
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизертинский морской сборник. М.: Согласие, 2003.
2. *Горденев М. Ю.* Морские обычаи, традиции и торжественные церемония Русского Императорского флота. М., 2007.
3. Государственный архив Российской Федерации Ф. 5970. Оп. 1. Д. 141.
4. *Кузнецов Н.* Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009.
5. *Седых Д. А.* Капитан I ранга А. Н. Щеглов: штрихи к портрету // Вестник Челябинского университета: История. 2002. № 1–2.
6. *Фомин Н.* Национальное освободительное движение // Время. Шанхай, 1930. № 282.
7. *Черняев В. Ю.* Деятельность Г. К. Графа на посту начальника канцелярии главы Русского Императорского Дома: 1924–1941 // Зарубежная Россия. СПб., 2003. Кн. 2.
8. *Шидьдкнехт Е.* Мысли вслух // Младоросское слово. Сан-Пауло, 1938. № 176.
9. *Щеглов А.* Зеркало, или современное безумие русских. Париж, 1930.
10. *Щеглов А.* Остерегайтесь волков в овечьей шкуре. Париж, 1928.
11. *Щеглов А.* Плоды народовластия. Париж, 1923.

REFERENCES

1. Bizertinskij morskoj sbornik. M.: Soglasie, 2003.
2. *Gordenev M. Ju.* Morskie obychai, tradicii i torzhestvennye ceremonija Russkogo Imperatorskogo flota. M., 2007.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii F. 5970. Op. 1. D. 141.
4. *Kuznecov N.* Russkij flot na chuzhbine. M.: Veche, 2009.
5. *Sedyh D. A.* Kapitan I ranga A. N. Scheglov: shtrihi k portretu // Vestnik Cheljabinskogo Universiteta. Istoriya. 2002. № 1–2.
6. *Fomin N.* Nacional'noe osvoboditel'noe dvizhenie // Vremja. SHanhaj. 1930. № 282.
7. *Chernjaev V. Ju.* Dejatel'nost' G. K. Grafa na postu nachal'nika kanceljarii glavy Russkogo Imperatorskogo Doma: 1924–1941 // Zarubezhnaja Rossija. SPb., 2003. Kn. 2.
8. *Shid'dkneht E.* Mysli vsluh // Mladorosskoe slovo. San-Paulo, 1938. № 176.
9. *Scheglov A.* Zerkalo, ili sovremennoe bezumie russkih. Parizh, 1930.
10. *Scheglov A.* Osteregajtes' volkov v ovech'ej shkure. Parizh, 1928.
11. *Scheglov A.* Plody narodovlastija. Parizh, 1923.

В. Г. Хандорин

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ ПО ВОПРОСУ О ВЛАСТИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу эволюции программных позиций кадетов Сибири по вопросу о власти в период революции и Гражданской войны и их практической реализации. На материалах съездов и конференций партии, кадетской периодической печати и архивных документов раскрываются причины и сущность поворота кадетов от демократии к диктатуре, наиболее отчетливо проявившейся в курсе правительства А. В. Колчака, и дается его оценка.

Ключевые слова: либерализм в Сибири; революция и Гражданская война.

VIEWS' EVOLUTION OF SIBERIAN CONSTITUTIONAL DEMOCRATS ON THE AUTHORITY ISSUE DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

An analysis of the evolution of the Siberian Constitutional Democrats' program positions during the period of the Revolution and the Civil War concerning the issue of power is presented, as well their practical realization. The reasons and the essence of Constitutional Democrats' views shift from democracy to dictatorship are explained on the basis of the materials of congresses and conferences of the Party, Constitutional Democrats' periodical press and archival documents. It is argued that shift was mostly manifested during the time of A. V. Kolchak's government.

Keywords: liberalism in Siberia; the Revolution and Civil War.

Вызванные революцией и гражданской войной изменения политической программы и тактики сибирских кадетов были наиболее радикальными в отношении к вопросу о власти. Большинство кадетов России и Сибири до революции твердо исповедовали идеи демократии западного образца, невзирая на низкий уровень политической культуры народа. Они верили в традиционную для либералов, восходящую к веку Просвещения теорию линейного поступательного прогресса в жизни общества. Лишь правое крыло партии, разделявшее идеи П. Б. Струве, подвергало ее сомнению и призывало к учету национальных особенностей в процессе преобразований, к поэтапности реформ. Но до революции такие взгляды разделяло меньшинство кадетов. В Сибири, напротив, доминировало левое крыло партии, возглавляемое Н. В. Некрасовым и стоявшее на демократических позициях. Тем более показательна произошедшая затем их эволюция.

Первоначально Февральская революция вызвала сдвиг кадетской идеологии и программы влево, в частности, перемену ориентации с монархии на республику. Для кадетов (в отличие от октябристов) данный вопрос никогда не был принципиальным — они исходили из конкретной политической ситуации и настроений масс. С их учетом 10 марта 1917 г. ЦК Партии народной свободы высказался за республику [18, л. 73–74]. В те же дни независимо от него такое решение приняли местные комитеты каде-

тов в Сибири (накануне революции их оставалось три): Красноярский [14, 9 марта], Томский [27, 14 марта] и Иркутский [17, 16 марта]. Перемену курса с конституционной монархии на республику закрепил 25 марта 1917 г. 7-й съезд Партии народной свободы в Петрограде [23, 26 марта]. Принятая им новая редакция п. 13 Программы партии гласила: «Россия должна быть демократической и парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства» [1. № 1, с. 9]. Впоследствии это решение поддержали вновь образованные комитеты партии в Омске, Тюмени и Тобольске [28. 1917. 28 мая; 25, 28 мая; 20, 1 сент.].

Падение престижа в народе Николая II и дома Романовых кадеты приняли за готовность к демократической республике. На собрании кадетов в Томске М. П. Логиневский заявлял, что «народ...подготовлен к республике», более того, что «народ всегда был республиканцем» [27, 14 марта].

Развал армии и июльские события 1917 г. послужили первым толчком к пересмотру кадетами приоритета демократических ценностей. Уже весной 1917 г. один из лидеров сибирских кадетов, член 4-й Государственной думы В. Н. Пепеляев пи-

---

сал: «Право должно располагать силой, иначе оно — не право» [4, л. 29]. Постепенно доминирующей в их идеологии становится идея государственности и буржуазного характера революции. Идеологом этого направления в Сибири становится В. А. Жардецкий, развивавший идеи авторов знаменитого дореволюционного сборника «Вехи» П. Б. Струве, М. О. Гершензона, Б. А. Кистяковского об отказе от традиционного интеллигентского «народопоклонства», приоритете понятий государства и права над свободой, усилении внимания к религиозным ценностям.

Происходит размежевание с левым крылом партии, оставшимся на демократических позициях (в Сибири его виднейшими представителями в тот период являлись И. А. Некрасов, Н. Н. Кравченко и Н. Я. Новомбергский в Томске, Н. Н. Кармазинский в Иркутске, П. А. Рогозинский в Тюмени). На 8-м партийном съезде бывший лидер сибирских кадетов, министр Временного правительства Н. В. Некрасов подверг критике линию ЦК, выступив за дальнейшее сближение с социалистами, против реанимации Госдумы, в которой он увидел недоверие правительству и попытку взять его под контроль со стороны преобладавших в ней «цензовых элементов» [27, 17 мая]. Но голоса левых становились все слабее в партии. Революция усилила политическую поляризацию. Ряд представителей левого крыла (сам Н. В. Некрасов, Н. Я. Новомбергский и др.) выходят из партии. Доминирующим становится правое крыло. Не последнюю роль в этом сыграло присоединение к кадетам октябристов и других более правых либералов после Февральской революции. Переход кадетской партии на позиции прежней партии октябристов по ряду вопросов прямо признавал видный кадетский лидер Б. Э. Нольде [13, с. 107]. Цитадель сибирских кадетов перемещается из Томска в Омск, где сосредоточились наиболее активные представители правого направления.

В Сибири процесс размежевания начался несколько позднее Европейской России, а именно — после июльских событий 1917 г. Приветствуя такие меры Временного правительства, как восстановление смертной казни на фронте, приказ об аресте В. И. Ленина и закрытие большевистских газет, кадеты выражали сожаление об их запоздалости. По существу, оформился раскол кадетской партии. Бывший лидер ее левого крыла Н. В. Некрасов, покинувший партию, был заклеен на IX съезде как ренегат [31]. Часть левых кадетов во главе с ним образовали Республиканско-демократическую партию. С другой стороны, часть бывших октябристов, не перешедших на платформу кадетов, образовали Либерально-республиканскую партию. Обе партии были малочисленными и мало влиятельными, а в Сибири практически не имели корней (за исключением Новониколаевска, где республиканцы-демократы выдвинули своих кандидатов на муниципальных выборах). Результатом стала дальнейшая эволюция кадетской партии вправо.

В целом, однако, кадеты еще сохраняли традиционные демократические лозунги. В период обсуждения в печати проекта конституции России тобольские кадеты высказались за парламентную модель французской Третьей республики как за «самый совершенный способ согласования исполнительной и законодательной власти», против вариантов американского (как чересчур авторитарного) и швейцарского (как слишком безответственного для исполнительной власти) [20, 11 сент.]. X съезд партии в октябре 1917 г. постановил не отказываться от демократических программных лозунгов на выборах в Учредительное собрание [26. 1917. 5 нояб.].

Поворот вправо усилился после Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания. Резолюция ЦК партии кадетов в феврале 1918 г. сделала выводы из произошедших событий: «1... Учредительное собрание... не было в состоянии

осуществить принадлежавших ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным... 2. Становится неотложно необходимым установление в той или иной мере сильной единоличной власти. 3. Только после установления нормальных условий жизни власть эта созовет свободно избранное Учредительное собрание» [12, с. 78]. Выказанный ЦК курс на диктатуру был подтвержден партийной конференцией в мае 1918 г. [29, с. 137].

В кадетской среде нарастает тенденция к переоценке ценностей, происходит отказ от огульной критики «старого режима». В. А. Жардецкий писал: «Весь пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш — Россия», и вопрошал: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода», когда «надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого слова... Довольно болтовни... Может быть, государство Русское ближайших столетий будет весьма далеким от тех широких надежд, в которых мерещилось нам его будущее в марте 1917 г. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно» [28. 1918. 21 янв.].

В этом отрывке обращает на себя внимание готовность отказаться от демократии в России не на ближайшие даже годы, а на длительный период. В этом правые сибирские кадеты шли дальше ЦК партии, поднимавшего вопрос о диктатуре лишь на ближайшее время. Несомненно, это был радикальный поворот. В конце 1917 г. с первой полосы их ведущего органа газеты «Сибирская речь» исчезает девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика!», под которым газета вы-

ходила с момента своего основания в мае 1917 г.

В произошедшей катастрофе кадеты обвиняли революционную демократию, «всегда относившуюся враждебно к реальному Русскому государству и витавшую в области социальных утопий», — писала «Сибирская речь». «...Народное невежество и интеллигентский максимализм как нельзя лучше подошли друг другу. Но, разнуздав народ, распалив до крайности его социальные инстинкты, социалисты немедленно удовлетворить их не могли», и тогда явились большевики, заявившие, что «рай на земле они могут создать не в ближайшем будущем, как социалисты, а ныне». В итоге, заключал автор статьи, «социалисты жнут то, что сеяли» [28. 1918, 23 янв.].

Отдельные советские историки трактовали этот поворот как монархический. В доказательство цитировали резолюцию кадетского ЦК: «После долгого и горького опыта революции... восстановление законоприемлемой монархии как единственной формы, могущей обеспечить еще наше национальное и государственное бытие и порядок, представляется безусловно необходимым» [12, с. 78]. Однако это — единственный официальный партийный документ, в котором можно проследить такую декларацию, в то время как идея диктатуры проходит красной нитью постоянно. Делать лишь на его основании вывод о повороте «назад к монархии», на наш взгляд, преждевременно. Будучи прагматиками, кадеты не придавали решающего значения форме правления, видя в ней лишь оболочку, и понимали, что идея монархии еще слишком скомпрометирована. К тому же, уязвимым местом был вопрос о кандидатуре монарха в условиях «двойного» отречения Николая II и великого князя Михаила. Именно поэтому они выдвинули в дальнейшем уклончивый лозунг «непредрешения» формы власти. Майская конференция партии 1918 г. сняла вопрос о ней с повестки дня ввиду расхождения примерно по-

---

ровну среди делегатов и постановила отложить его на будущее, заявив, что его решение «будет зависеть от господствующих настроений в массах» [29, с. 137]. На последующих партийных форумах и совещаниях он не поднимался вообще, хотя высказывания отдельных деятелей (в частности, князя Г. Е. Львова) в пользу монархии имели место [5, л. 5 об].

Нельзя утверждать и то, будто кадеты в тот период полностью отвергли принцип всеобщего и равного избирательного права. В цитированном февральском постановлении ЦК по этому вопросу говорилось лишь, что «народ на данной ступени развития, очевидно, не может учредить жизнь великого государства применительно к современным сложным и трудным условиям» [12, с. 80]. Поэтому кадеты, выдвигая лозунг созыва Национального (или Учредительного) собрания после победы над большевиками, выступали категорически против воссоздания того Учредительного собрания, которое было распущено большевиками по причине несвоевременности его избрания в обстановке народной смуты. Даже левые деятели партии устами Л. А. Кроля признавали: «По составу и характеру своему Учредительное собрание могло бы только скомпрометировать себя... Разгон же Учредительного собрания по крайней мере не скомпрометировал идеи» [19, с. 13].

После падения Советской власти в Сибири первым открыто заявил о необходимости «твердой единоличной власти» В. А. Жардецкий в июле 1918 г. на торгово-промышленном съезде в Омске [27. 1918, 25 июля]. В августе это мнение было утверждено резолюцией 1-й Восточной конференции партии. Конференция подтвердила, что распущенное большевиками Учредительное собрание «утратило право устраивать дальнейшие судьбы России» [26. 1918, 10 сент.]. В. Н. Пепеляев в статье под заголовком «Привидение» заявил, что оно «скомпрометировано несколько раз»:

распространением при выборах в него избирательного права на солдат, чего нет ни в одной демократии мира, обстановкой большевистского произвола, в которой происходили выборы, и символическим фактом того, что при открытии собрания оно «в момент величайшего национального бедствия напевало "Интернационал"». Пепеляев констатировал, что разгон Учредительного собрания лишней раз доказал его политическое бессилие, а партия эсеров, которых он назвал «социалистическими Маниловыми», «хватается за этот призрак и хочет посадить его за один стол с живыми людьми» [28. 1918, 3 сент.].

С приездом В. Н. Пепеляева в Сибирь завершается консолидация правых кадетов, и направление в пользу диктатуры окончательно берет верх. Объехав ряд городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, Пепеляев установил постоянные контакты с местными комитетами партии и выяснил в подавляющем большинстве отрицательное отношение к итогам Уфимского совещания (сентябрь 1918 г.), провозгласившего все-российской властью созданную им демократическую Директорию [10, с. 79]. На совещании партийных комитетов 29 октября организатор Омского национального блока В. А. Жардецкий без обиняков заявил: «Эту Директорию блок решил известить, и он ее изведет» [19, с. 152].

В сформированном в ноябре 1918 г. на территории, освобожденной от большевиков, Восточном отделе ЦК партии кадетов большинство составили правые кадеты (председатель В. Н. Пепеляев, товарищи председателя В. А. Жардецкий и А. К. Клафтон, Н. В. Устрялов, Г. Г. Тельберг, С. В. Востротин, С. А. Таскин и др.), временно пожертвовавшие идеями демократии и поддержавшие переворот А. В. Колчака [10, с. 87]. Рупором Восточного отдела ЦК стала «Сибирская речь» под редакцией В. А. Жардецкого. От партии практически отошли левые и умеренные кадеты (Л. А. Кроль, В. А. Виноградов, В. В. Са-

пожников, И. В. Михайловский), сохранившие убеждение в предпочтительности коалиции с социалистическими партиями. Отражавший их настроения Л. А. Кроль позднее писал, что Восточный отдел кадетского ЦК был «проводником реакции в Сибири» [19, с. 189] и состоял «из матерых реакционеров типа Жардецкого или из обезумевших от ненависти и с налитыми кровью глазами людей вроде Клафтона и других беженцев» [19, с. 163]. Мотивы фактического разрыва Кроль назвал в своих воспоминаниях: «В спасительность диктатуры я не только не верил, но считал ее губительной для дела. Между тем директива, приведенная Пепеляевым (от ЦК партии. — В. Х.), была весьма краткой: диктатура!» [19, с. 97].

Но поскольку партийные политики либерального толка не имели для осуществления диктатуры авторитета, воли и навыков, оставался один вариант — диктатура военных, чему способствовала обстановка Гражданской войны. Обобщая печальный опыт интеллигенции у власти в ходе революции (во Временном правительстве и в сибирской Директории), омская газета «Наша заря» позднее писала: «Мы всегда склонны думать, что мы... больше понимаем, лучше работаем, но стоит только нас поставить на работу, и мы должны сознаться в полной неспособности делать дело» [21. 1919, 22 июня].

Состоявшаяся 15–18 ноября 1918 г. в Омске 2-я Восточная конференция кадетской партии по докладу В. Н. Пепеляева приняла резолюцию: «Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известных обстоятельствах считает ее необходимой... На Уфимском совещании государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с негосударственными и антигосударственными элементами (имелись в виду представители революционной демократии — В. Х.)». По поводу собравшегося на Урале съезда членов Учредительного собрания, состоявшего

го в большинстве из эсеров и занимавшего позиции социалистической демократии и интернационализма, в резолюции говорилось: «Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания, и самый созыв Учредительного собрания данного состава считает вредным и недопустимым» [16. 1918, 18 нояб.]. Сибирские кадетские вожаки — В. Н. Пепеляев, В. А. Жардецкий, Н. В. Устрялов, А. К. Клафтон — стали трубадурами диктатуры. Впоследствии А. К. Клафтон с гордостью заявил: «Мы стали партией государственного переворота... и приняли на себя всю политическую ответственность» [28. 1919, 22 мая].

В данном вопросе они действовали в полном единомыслии с кадетами центра и юга России. Тезисы о «непредрешении» формы правления будущей России (один из основных лозунгов Белого движения) и о военной диктатуре на текущий момент были подтверждены на совещаниях членов кадетского ЦК в Гаспре (Крым) и Яссах осенью 1918 г. [12, с. 152–154]. Данную позицию поддержали и такие автономные организации под фактическим руководством кадетов, как Национальный центр и Национальный союз [26. 1918, 23 окт.]. Еще раньше кадетов открыто выступила за диктатуру сибирская буржуазия на июньском совещании представителей торговли и промышленности в Омске [28. 1918, 23 июня]. В дальнейшем все они присоединились к поддержке А. В. Колчака в качестве Верховного правителя.

Дебаты об организации власти распространялись не только по поводу текущего момента, но и о дальнейших путях строительства российской государственности. Умеренные кадеты (иркутские, и отчасти томские) продолжали утверждать: «Мы должны пойти по проторенному пути культурных западноевропейских наций. Надо раз и навсегда отказаться от мысли... что судьба предуготовила нам особые пути» [26. 1918, 11 сент.]. Но господствующее

правое направление во главе с омскими кадетами склонялось к позиции дореволюционных октябристов о существенном отличии исторического пути России в духе идей П. Б. Струве, утверждавшего, что революция обернулась для России национальным банкротством и мировым позором, в чем он усматривал огромную долю вины интеллигенции [30, с. 3].

В этот период сибирские кадеты выдвигают и отстаивают идею внепартийности правительства. Видный деятель партии, томский профессор Г. Г. Тельберг в августе 1918 г. выступил со статьей, обосновывавшей необходимость выхода министров из рядов политических партий, поясняя: «Конечно, этот выход отнюдь не означает перемены политических убеждений. Это — лишь освобождение из-под опеки узких партийных организаций, от партийных директив, от партийной дисциплины... Противоположная этому система была испробована в младенческую пору нашей революции в коалиционном кабинете Керенского. Там каждый политический деятель вступал в состав правительства как делегат определенной партии... Немудрено, что правительство, состоявшее из таких министров с различными резолюциями в кармане, уподоблялось той крыловской тройке, которая усердно тянула воз в разные стороны и не могла сдвинуть его с места... Коалиция, построенная на сотрудничестве людей, остающихся в различной партийной зависимости, не может воплощать собою правительство. Это скорее конференция делегатов, уходящих каждые полчаса за кулисы, чтобы испросить инструкции от своих партийных комитетов». В деятельности правительства, по мнению Тельберга, «нет места духу партийной борьбы», а министр должен «сознавать себя не ставленником партии, а винтом сложного государственного механизма». В пример он приводил июльские события 1917 г., когда «инстинкт государственного деятеля, сознание близкой опасности, сведения контрразвед-

ки — все толкало правительство на путь решительной борьбы с большевизмом; но, так как партийные комитеты, далекие от понимания государственных интересов... подняли единодушный вопль против преследования «товарищей большевиков», то министры-социалисты... вместо того, чтобы разметать без остатка большевистский костер, предоставили ему тлеть, пока он не вспыхнул снова и не пожрал с одинаковой яростью и своих противников, и своих заступников». Опираясь на этот опыт, Тельберг делал вывод: «Дело партии работать над организацией общественного мнения... но внутри правительства нет места ни партийной борьбе, ни партийной зависимости» [28. 1918, 7 авг.].

Роль кадетов в перевороте А. В. Колчака 18 ноября 1918 г. общеизвестна. Один из его организаторов В. Н. Пепеляев прямо заявлял в Восточном отделе ЦК партии: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот, и наш долг укрепить власть. Поэтому должно брать самые ответственные посты даже с риском погибнуть» [5, л. 32 об]. В приветственных телеграммах Верховному правителю от местных кадетских комитетов переворот оценивался как «акт государственной необходимости», знамение «выздоровления государства» [7, л. 8; 24. 1918, 21 дек.; 15. 1918, 22 нояб.]. На 3-й Восточной конференции партии А. К. Клафтон под бурные овации делегатов провозгласил А. В. Колчака «национальным вождем» [28. 1919, 22 мая]. По существу, завершился фактический раскол между правым и левым крыльями сибирских кадетов. Левая их часть во главе с Л. А. Кролем и В. А. Виноградовым окончательно отошла от участия в партийной работе, заняв позицию пассивных наблюдателей либо умеренной оппозиции.

В оправдание диктатуры кадеты искали исторические аналогии: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через... диктатуру. Так

было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне» [26. 1918, 1 дек.], и оперировали понятием целесообразности: «Как бы далеко ни отстояла диктатура от истинного народоправства, она все же ближе к нему, чем стадия "углубления революции", ведущая прямой дорогой к анархии». Погибшую эсеровскую революционную демократию они сравнивали с «декадансом», а Белое движение — с «Ренессансом без реставрации» [26. 1918, 8 дек.].

Эту позицию разделяло и высшее руководство партии. Ее лидер П. Н. Милюков призывал к безоговорочной поддержке диктатуры Колчака и Деникина и выступал «против формального ограничения фактического диктатора какой-либо коллективной волей, пока его дело не сделано» [8, л. 5].

Заявляя о надклассовом характере диктатуры, кадеты утверждали: «Нельзя говорить... о защите интересов того или другого отдельного класса, раз не обеспечено самое бытие необходимой совокупности классов, т. е. государства» [26. 1919, 22 мая]. Однако этот тезис был декларативным, поскольку без урегулирования противоречий между классами (или же без подавления одних другими) государственное объединение, очевидно, состояться не могло. Перекличка кадетских резолюций и деклараций с заявлениями А. В. Колчака и его правительства позволила канадскому историку Н. Перейра утверждать, что «по взглядам Колчак был очень близок к правому и доминирующему крылу кадетов» [22, с. 94].

При Колчаке усилилось влияние кадетов в правительстве: к лету 1919 г. они составляли почти половину министров — правда, со вступлением в должность они формально заявляли о выходе из партии. Позднее Н. В. Устрялов вспоминал: «Кадетская среда... служила основой власти Колчака» [22, с. 94–95].

Порой кадеты оказывались «правее» самого Колчака в защите диктатуры. Когда в апреле 1919 г. его правительство выдвинуло проект законосовещательного органа —

Государственного совета, «Сибирская речь» заявила о нежелательности любого выборного госучреждения до победы над большевиками [28. 1919, 10 апр.].

Сибирские кадеты публично признали демократическую тактику партии в 1917 г. «роковой ошибкой», поскольку «законодательное творчество и словесные убеждения действуют в порядке мирного времени, а во время войны, революции и государственного переворота волеизъявления государственной власти достигают своей цели применением силы» [28. 1919, 10 авг.].

По существу, повторяя мысли М. Вебера о неизбежном отрыве демократии от народа, «Свободный край» писал: «Избранники народа, ставшие на верхах государственного и общественного устройства... станут снова обособленным классом» [26. 1919, 1 июня]. «Идея демократии, — писала «Сибирская речь», — должна быть понимаема не в площадном смысле... Полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство — то именно, которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 г. Так или иначе, он эту одежду сбросил», — заключала газета [28. 1919, 17 сент.].

Наиболее активными поборниками централизации были лидировавшие в Восточном отделе ЦК кадетов А. К. Клафтон, В. А. Жардецкий и Н. В. Устрялов. В правительстве эту линию проводили вошедшие в его состав кадеты — министр внутренних дел В. Н. Пепеляев и управляющий делами Совмина, министр юстиции Г. Г. Тельберг. Более умеренную позицию занимали иркутские кадеты, считавшие, что чрезмерная централизация «упраздняет то столкновение мнений, которое способствует выяснению истины» [26. 1919, 24 июля].

Резолюция 3-й Восточной конференции кадетов от 26 мая 1919 г. по вопросу о вла-

сти сводилась к следующим тезисам: 1) верность идеям демократии, правового государства и социальной справедливости; 2) временный (до победы над большевиками) и ограниченный законом характер диктатуры Верховного правителя; 3) разграничение функций гражданских и военных властей; 4) созыв после победы над большевиками нового «Национального собрания с учредительными функциями»; 5) поддержка «исключительных мероприятий» власти в условиях военного времени; 6) ответственность министров перед Верховным правителем; 7) формирование совещательного органа при нем из представителей общественности по назначению (впервые данный пункт был сформулирован Восточным отделом ЦК 30 апреля 1919 г.) [28. 1919, 28 мая].

Уклончивый тезис о «непредрешении» государственного строя, призванный объединить в Белом движении сторонников монархии и ее противников (кроме социалистов) и предусматривавший возможность маневра, с другой стороны, не давал ясной позитивной цели, способной сплотить вокруг себя. Основная политическая цель исчерпывалась, таким образом, свержением большевистского режима и уничтожением его структур — партии и Советов. На дальнейшие вопросы государственного строительства ответа не было.

При участии кадетов-сенаторов С. П. Мокринского и В. А. Рязановского была образована правительственная комиссия по разработке вопросов, связанных с подготовкой к созыву Национального учредительного собрания. Ее законопроект был существенно консервативнее закона, по которому было избрано Учредительное собрание 1917 г.: прямые выборы, за исключением крупных городов, заменялись двухстепенными; отменялись выборы по партийным спискам (депутатами могли избираться только «одномандатники»); пропорциональная система выборов заменялась мажоритарной, когда для избрания необхо-

димо набрать свыше 50% голосов; повышался до 25 лет возрастной ценз избирателей, как это было до революции; с другой стороны, из-за наплыва беженцев из Европейской России, среди которых были представители культурных слоев общества, был отменен ценз оседлости; в соответствии с принципом «армия вне политики», избирательного права лишались военнослужащие и милиционеры [28. 1919, 2 авг.]. Кадеты одобрили основные положения законопроекта [28. 1919, 7 авг.], В. Н. Пепеляев назвал его «блестящим» [11, с. 100]. При этом кадетская пресса признавала необходимость опоры правительства на «общественную солидарность и могущественную печать» [26. 1919, 14 янв.].

До лета 1919 г. руководство сибирских кадетов выступало против любого выборного представительства (за исключением местного самоуправления) до победы над большевиками. 2 мая 1919 г. Восточный отдел ЦК партии заявил: «Партия народной свободы в настоящее время не считает целесообразным создание в системе нашей государственной власти какого-либо нового учреждения — безразлично, будет ли оно законодательным, законосовещательным или законоподготовительным, но в интересах более тесного общения правительства с общественностью партия считает возможным образование особого Совета при Верховном правителе путем его указа из лиц, им назначенных» [6, л. 19].

И даже позднее отдельные правые кадетские лидеры высказывали недовольство выдвинутым правительством А. В. Колчака под влиянием поражений на фронте в сентябре 1919 г. проектом совещательного выборного органа при Верховном правителе — Государственного земского совещания. Н. В. Устрялов заявлял, что «это ослабит, а не усилит диктатуру», и критиковал даже саму «конституцию 18 ноября», формально ограничивавшую власть диктатора утверждающими полномочиями Совета министров [26. 1919, 9 окт.]. Сходную по-

зицию занял В. Н. Пепеляев, заявивший: «Я лично готов изменить акт 18 ноября, но в пользу Верховного правителя, а не в пользу случайных людей» [2, л. 114]. На крайнем правом фланге в партии стоял В. А. Жардецкий. По словам Л. А. Кроля, после поражений на фронте летом 1919 г. он оставался «единственным, стоявшим за диктатуру и усиление ее и готовым оправдывать все и вся» [19, с. 190].

Зато с однозначным одобрением отнеслись к данному законопроекту представители левого крыла партии во главе с Л. А. Кролем [26. 1919, 9 окт.]. Своеобразную позицию заняли иркутские кадеты, заявлявшие, что лучше не создавать никаких выборных органов, чем «жалкие и дешевые суррогаты». Особой критике они подвергли выраженную в проекте ставку на крестьянство и казачество, которая «делит население освобожденной от большевиков Сибири на козлиц и овец». «Не есть ли это, — вопрошали они, — проведение в жизнь того классового обособления, за которым следует классовая борьба?» [26. 1919, 19 сент., 23 сент.].

Идеологи сибирских кадетов не снимали с себя ответственности за прежний, в значительной степени космополитический и строго демократический курс. Н. В. Устрялов в статье «Большевики и мы», по существу, повторял «веховские» обличения по адресу интеллигенции: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю "теоретичность", близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы... Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного мирозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и Фейербаха» довели над большинством дореволюционной интеллигенции. Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», когда интеллигенция своей приверженностью к

«чистой демократии» расчистила дорогу к власти большевикам. В заключение статьи Устрялов писал: «Победа над большевизмом — в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого... в отказе от прежней системы идей, чувств и действий... Русская интеллигенция должна сказать большевизму: — Я тебя породила, я тебя и убью» [28. 1919, 12 апр.].

Характерна в этой статье и оценка событий 1917 г. Рассматривая Корниловский мятеж как попытку спасения государства от гибели, автор обвиняет интеллигенцию в дряблости, позволившей «презренным Керенскому и Некрасову» погубить дело Корнилова. Знаменательно, что «презренным» именовался бывший признанный лидер сибирских кадетов Н. В. Некрасов, в ходе революции оставшийся на последовательно демократических позициях.

Квинтэссенцией этих рассуждений стал вердикт «Сибирской речи» о коллективной ответственности интеллигенции за последствия русской революции [28. 1919, 27 февр.]. Знаменательно, что в 1919 г. кадеты поддержали постановление колчаковского правительства об отмене празднования годовщины демократической Февральской революции. «Сибирская речь» писала, что эту годовщину «уместно помянуть... во всенародном стыде и молчании» [28. 1919, 14 марта], имея в виду плачевные последствия революции.

На практике «правление» сибирских кадетов ярко отразилось и в деятельности их наиболее видного лидера В. Н. Пепеляева на посту министра внутренних дел. Именно он из профессиональных соображений «начал привлекать в милицию преимущественно царских жандармов и полицейских» [9, с. 294]. Ему принадлежала инициатива передачи милиции от земств и городов в ведение МВД по дореволюционному образцу [3, л. 101]. В. Н. Пепеляев всецело поддерживал и проводил в жизнь карательные меры против большевиков и партизан [2, л. 107], высмеивал тех, кто ратовал за их

смягчение: «Либеральные зайцы тоже лепечут о бессудных расстрелах» [5, л. 33 об].

Наученные опытом недавнего прошлого сибирские кадеты еще раньше поддержали изгнание политики из армии, разложившей ее в 1917 г. «Сибирская речь» цитировала французского мыслителя А. Ламартина: «Армия, которая рассуждает, подобна руке, которая стала бы думать» [28. 1918, 4 авг.]. Восстановление традиционного принципа «армия вне политики» было окончательно закреплено в приказе Колчака по армии, запрещавшем военнослужащим участие в политических партиях и собраниях [16. 1918, 27 нояб.]. Правда, в условиях Гражданской войны эти меры выглядели отчасти парадоксально, учитывая, что именно офицерство стало организующей силой Белого движения, и сами его лидеры были военными.

Сравнивая позицию сибирских кадетов периода гражданской войны с другими крупнейшими региональными группировками партии — московской, южной и заграничной, ее можно условно назвать правоцентристской. Если не брать в расчет левых кадетов, в это время повсеместно отошедших от активной деятельности, а учитывать лишь оставшихся активистов, то при всех общих чертах — ставке на военную диктатуру на ближайшие годы, отрицании Учредительного собрания старого состава, сохранении экономического либерализма, единой позиции в рабочем и национальном вопросах — можно отметить и некоторые различия, определявшиеся местными обстоятельствами. На левом фланге стояли московские кадеты, наглядно наблюдавшие поддержку столичными рабочими большевистской идеологии, к тому же вынужденные действовать в подполье и лишённые моральной подпитки от власти и прессы (в частности, они выступали против

сотрудничества с представителями царской бюрократии, занимали наиболее демократичную позицию по аграрному вопросу) [12, с. 264–266]. Сходные позиции занимала заграничная группа кадетов, испытывавшая сильное политическое давление держав Антанты и упрекавшая южных и сибирских коллег в излишне кардинальной ревизии демократического курса [2, л. 100, 103]. Этот факт тем более показателен, что до революции сибирские кадеты, наоборот, в основной массе принадлежали к левому крылу партии, и лишний раз доказывает, как влияла на позицию кадетов в том или ином регионе конкретная обстановка и среда, которой они были окружены. На правом фланге стояли южные кадеты, находившиеся на территории белых армий генерала А. И. Деникина. Среди них было наиболее сильное тяготение к монархии, самое непримиримое отношение к социалистам, наиболее консервативная позиция в земельном вопросе [12, с. 290–293]. Это определялось сильным влиянием правых, монархических кругов офицерства и генералитета Добровольческой армии и сплоченного помещичьего «лобби».

Таким образом, налицо общий дрейф кадетской партии от демократии к поддержке военной диктатуры под влиянием событий 1917 г., выявивших полную несостоятельность демократических методов управления в экстремальной обстановке и в отсутствие в России соответствующих традиций. Такой поворот имел прагматичное содержание и длился вплоть до крушения Восточного фронта в ноябре 1919 г., после которого кадеты в поисках выхода выдвинули идею демократизации режима диктатуры вплоть до созыва Земского собора [3, л. 1] — однако в условиях агонии Белого движения эта попытка уже не имела практического значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вестник Партии народной свободы. Пг., 1917.
2. ГА НО. Ф. д-158 (Пепеляев В. Н., Пепеляев А. Н.). Оп. 1. Д. 2.

3. ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В. Н.). Оп. 1. Д. 34.
4. ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В. Н.). Оп. 1. Д. 46.
5. ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В. Н.). Оп. 1. Д. 47.
6. ГА РФ. Ф. р-952 (Русское телеграфное агентство). Оп. 3. Д. 124.
7. ГА РФ. Ф. р-952 (Русское телеграфное агентство). Оп. 3. Д. 249.
8. ГА РФ. Ф. 5856 (Милюков П. Н.). Оп. 1. Д. 184.
9. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008.
10. Дневник В. Н. Пепеляева // Красные зори (Иркутск). 1923. № 4.
11. Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака. Документы и материалы / Под ред. А. В. Квакина. М.: Аграф, 2007.
12. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982.
13. Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988.
14. Енисейский край. Красноярск, 1917.
15. Забайкальская новь. Чита, 1918.
16. Заря. Омск, 1918.
17. Иркутская жизнь. 1917.
18. Коломыцева Л. М. Конституционные демократы в Сибири: февраль 1917 — начало 1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993.
19. Кроль Л. А. За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток: Свободная Россия, 1921.
20. Народная свобода. Тобольск, 1917.
21. Наша заря. Омск, 1919.
22. Перейра Н. Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М.: Ин-т истории РАН, 1996.
23. Речь. Пг., 1917.
24. Свободная Сибирь. Красноярск, 1918.
25. Свободное слово. Тюмень, 1917.
26. Свободный край. Иркутск, 1917; 1918; 1919.
27. Сибирская жизнь. Томск, 1917; 1918.
28. Сибирская речь. Омск, 1917; 1918; 1919.
29. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М.: Мысль, 1968.
30. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. М.: Директ-Медиа, 2008.
31. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. М.: Росспэн, 2000.
32. ЦХДНИ ОО. Ф. 19 (Истпарт). Оп. 1. Д. 502.

REFERENCES

1. Vestnik Partii narodnoj svobody. Pг., 1917.
2. GA NO. F. d-158 (Pepeljaev V. N., Pepeljaev A. N.). Op. 1. D. 2.
3. GA RF. F. r-195 (Pepeljaev V. N.). Op. 1. D. 34.
4. GA RF. F. r-195 (Pepeljaev V. N.). Op. 1. D. 46.
5. GA RF. F. r-195 (Pepeljaev V. N.). Op. 1. D. 47.
6. GA RF. F. r-952 (Russkoe telegrafnoe agentstvo). Op. 3. D. 124.
7. GA RF. F. r-952 (Russkoe telegrafnoe agentstvo). Op. 3. D. 249.
8. GA RF. F. 5856 (Miljukov P. N.). Op. 1. D. 184.
9. Gins G. K. Sibir', sojuzniki i Kolchak. M.: Ajris-press, 2008.
10. Dnevnik V. N. Pepeljaeva // Krasnye zori (Irkutsk). 1923. № 4.
11. Dnevnik V. N. Pepeljaeva // Okrest Kolchaka. Dokumenty i materialy / Pod red. A. V. Kvakina. M.: «Agraf», 2007.
12. Dumova N. G. Kadetskaja kontrrevoljucija i ee razgrom (oktjabr' 1917–1920 gg.). M.: Nauka, 1982.
13. Dumova N. G. Kadetskaja partija v period Pervoj mirovoj vojny i Fevral'skoj revoljucii. M.: Nauka, 1988.
14. Enisejskij kraj. Krasnojarsk, 1917.

-
15. Zabajkal'skaja nov'. Chita, 1918.
  16. Zarja. Omsk, 1918.
  17. Irkutskaja zhizn'. 1917
  18. Kolomytseva L. M. Konstitucionnye demokraty v Sibiri: fevral' 1917 — nachalo 1918 gg. Diss. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Tomsk, 1993.
  19. Krol' L. A. Za 3 goda. Vospominanija, vpechatlenija, vstrechi. Vladivostok: Svobodnaja Rossija, 1921.
  20. Narodnaja svoboda. Tobol'sk, 1917.
  21. Nasha zarja. Omsk, 1919.
  22. Perejra N. Belaja Sibir': politika i obschestvo / Per. s angl. M.: In-t istorii RAN, 1996.
  23. Rech'. Pg., 1917.
  24. Svobodnaja Sibir'. Krasnojarsk, 1918.
  25. Svobodnoe slovo. Tjumen', 1917.
  26. Svobodnyj kraj. Irkutsk, 1917; 1918; 1919.
  27. Sibirskaja zhizn'. Tomsk, 1917; 1918.
  28. Sibirskaja rech'. Omsk, 1917; 1918; 1919.
  29. Spirin L. M. Klassy i partii v grazhdanskoj vojne v Rossii. M.: Mysl', 1968.
  30. Struve P. B. Istoricheskij smysl ruskoj revoljucii i nacional'nye zadachi. M.: Direkt-Media, 2008.
  31. S#ezdy i konferencii Konstitucionno-demokraticheskoi partii. — T. 3. M.: Rosspen, 2000.
  32. TsRhHDNI OO. F. 19 (Istpart). Op. 1. D. 502.

Д. В. Шмуратко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Приведены результаты дискриминантного анализа 32 прикамских могильников периода IV–VI веков, принадлежащих 10 археологическим культурам. По результатам анализа более чем 1300 погребений автор выстраивает векторы этнокультурных проникновений рассматриваемых культур с целью ответа на вопрос о происхождении харинских курганных комплексов, распространенных на территории Пермского Предуралья. Проведя верификацию высказанных ранее предположений о культурной преемственности харинских курганов, автор приходит к выводу об их позднесарматском происхождении.

Ключевые слова: харинская археологическая культура, Прикамье, курганы, дискриминантный анализ, Великое переселение народов.

D. Shmuratko

ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE PRIKAMIE IN THE ERA OF THE GREAT MIGRATION

The results of the discriminate analysis of 32 burial locations in Prikamie belonging to 10 archaeological cultures of the period of the IV–VI centuries are presented. Based on the analysis of more than 1300 burials, vectors of ethno-cultural penetration of cultures are examined and constructed. The goal of the research is to find out the origin Harino mound complexes common in the Perm Urals foothills. A conclusion is made about the late Sarmatian origin of Harinsk mounds.

Keywords: Harino archaeological culture, Prikamie, mounds, discriminate analysis, The Great migration of peoples.